
МУРЗИЛКА
№ 1
Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ЯНВАРЬ
1961
ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

Рис. А. БРЕЯ

Страницей белою зимы
Открылся Новый год.
Давай, читатель, вместе мы
Отправимся в поход!

Хрустящей снежной целиной
К весне лыжню проложим.
Увидим лето за весной,
Потом и осень тоже.

Объездим горы и моря,
Побудем в странах разных.
И Первомай и Октября
Великий встретим праздник.

Давай приучимся к труду,
Умножим то, что знали.
Итак, в дорогу! Я иду.
До новых встреч в журнале!

МУРЗИЛКА

ГУСИ В ПОЛЫНЬЕ

В. АСТАФЬЕВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Ледостав на Енисее происходит постепенно. Сначала появляются зеркальные забереги, хрупкие и неровные. В заливчиках и в заводях они широкие, на быстрине — узкие, трепещущие. Но после каждого морозного утра они становятся всё шире, а потом начинает плыть шуга. И тогда вся река шуршит печально, утихомиренно.

С каждым днём толще и шире забереги. Уже полоса воды, гуще шуга. Вот она пошла сплошным плотом, рыхлые льдины с хрустом лезут одна на другую. А потом окрепшая шуга спаивается, и однажды, чаще всего в студёную ночь, река встаёт.

Но как бы ни была крута осень, как бы ни шла густо шуга, они никогда не могут разом усмирить Енисей. На нём то там, то тут остаются полыньи. Самая большая полынья — у Караульного быка, громадного утёса.

Однажды, после ледостава, кто-то сообщил в деревню, что возле быка в полынье плавают гуси и не улетают. Гуси крупные, людей не боятся: должно быть, домашние. И в самом деле, вечером, когда мы, ребятишки, катались на санках, с реки послышались тревожные крики.

Гуси боялись наступающей ночи: ведь полынья с каждым часом становилась всё меньше и у́же. Мороз исподволь, незаметно округлял её.

На следующий день мы целой оравой перешли реку по свежей ещё, чуть наметившейся тропинке и приблизились к быку. Один за другим мы взобрались на выступы обледенелого камня и сверху увидали гусей.

Полынья сделалась совсем маленькой. В ней металась по кругу ошалевшая, усталая и голодная стайка гусей. Чуть впереди плавала дородная гусыня и время от времени отчаянно вскрикивала. Иногда она подплывала к хрупкому припаю, врезалась в него грудью, пыталась выбраться на лёд и вывести весь табун. Но, срезав три-четыре пера, тонкий ледок ломался под ней, и она отступала.

Мне и прежде приходилось видеть

плывущих среди льдин гусей. Где-то в верховьях Енисея они жили себе, жировали и делались настолько беспечными, что и ночевать оставались на реке. И эта беспечность приводила к тому, что ночью их подхватывало свежей шугой, выталкивало на течение, и к утру они уже оказывались невесть где и в конце концов вмерзали в лёд или выползали на него и, конечно, гибли от мороза.

А эти вот всё ещё боролись. Их подбрасывало на волнах, размётывало как белый пух, и тогда мать вскрикивала коротко и властно. И мы понимали это так: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне! Не вешать голов!»

Внезапно одного гуся отделило течением от стайки, подхватило и понесло к краю полыньи. Он поворачивался навстречу струе грудью, пытался одолеть течение, но его тащило и тащило. А когда пригнало ко льду, он закричал отчаянно и взмахнул не приспособленными для полёта крыльями. Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю, свалило на бок, и он беленьким комочком мелькнул подо льдом, как под стеклом, и исчез навсегда.

Гусыня кричала долго и печально...

И тут кто-то из ребят сказал:

— Пропадут гуси. Все пропадут. Спасти бы их...

— А как?

Мы задумались. Ребятишки, ребятишки, а понимали, что с Енисеем шутить нельзя и что к полынье подобраться невозможно. Обломится припай у полыньи — и мигнуть не успеешь, как очутишься подо льдом, и закрутит, как того гуся, — ищи потом, свищи!

И вдруг разом, как бывает у ребятишек, мы заспорили. Одни предлагали подбираться к полынье ползком, держа друг друга за ноги; другие говорили, что надо позвать охотников и пристрелить гусей, чтобы не мучались; третьи утверждали, что надо ещё день подождать, и гуси сами тогда выйдут на лёд.

Так, споря, мы спустились с быка и очутились на берегу, возле домов известкарей.

Много лет мои односельчане занимались хитрым и тяжёлым делом — выжигали извёстку из камня. Камень добывали из скал, а брёвна приплавляли плотами, и здесь же, на берегу, их разделывали на длинные поленья — бодоги.

Возле одной поленницы, гулко охая, бил по клину деревянной колотушкой Мишка Коршунов. Вообще-то он был уже, конечно, Михаил, вполне взрослый человек. Но так уж все его звали: Мишка и Мишка. Однажды этот Мишка на спор перешёл во время весеннего ледохода Енисей и оттого считался в деревне отчаянной головушкой.

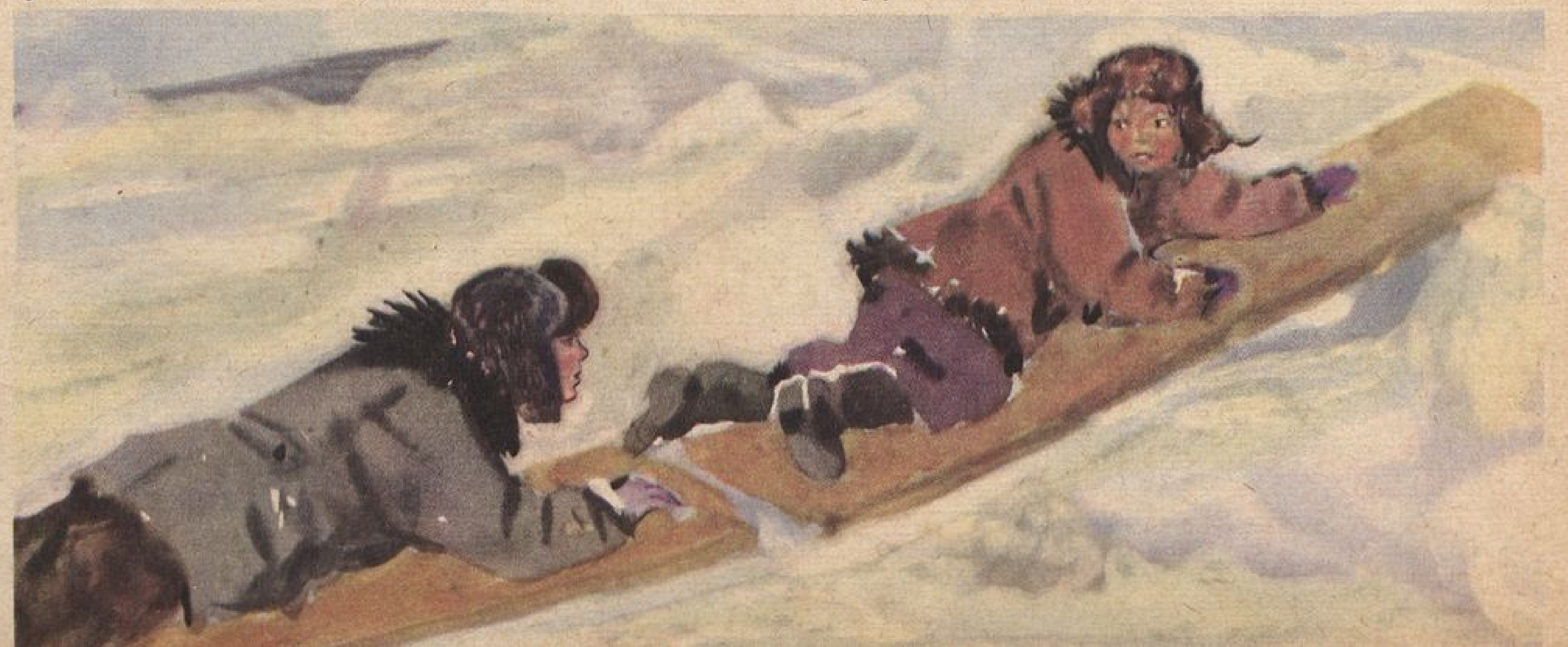
— Что за шум? — спросил нас Мишка.

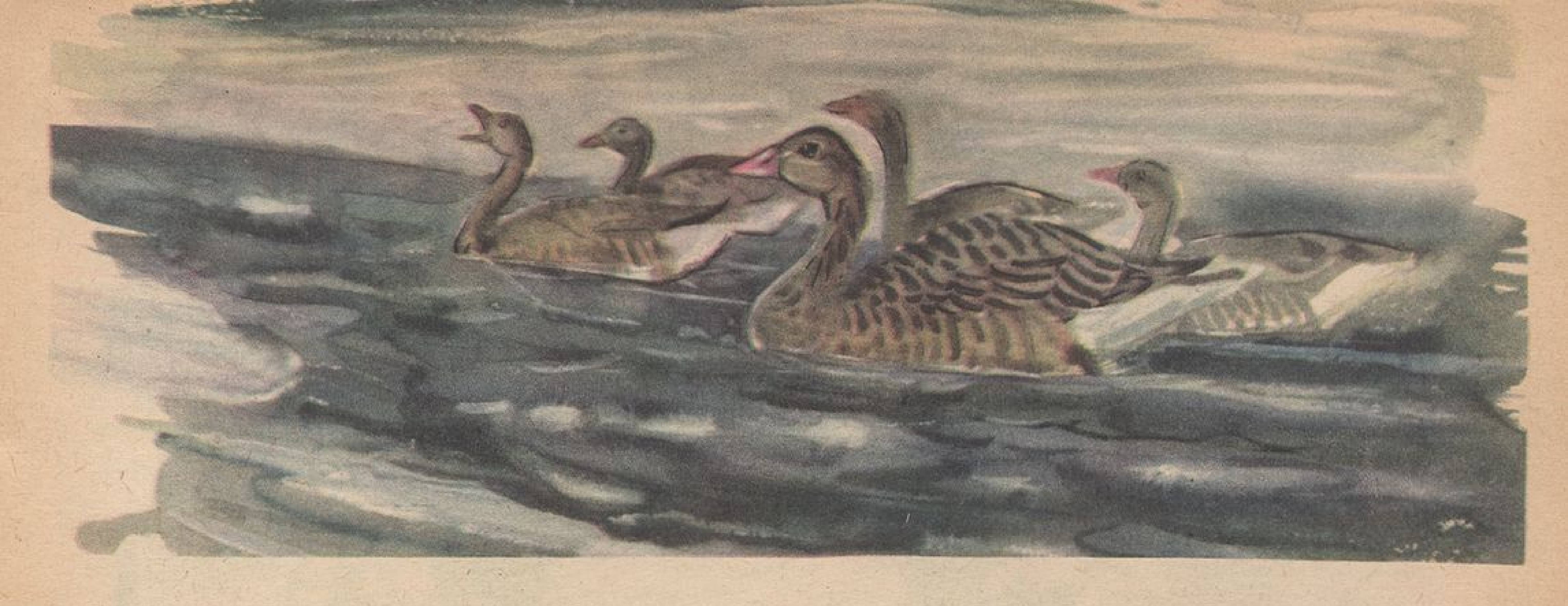
Его озорные чёрные глаза искрились смехом, а на носу и на груди блестел пот, и весь он был в плёнках бересты, и кучерявая цыганская голова его сделалась седой от этих плёнок.

Мы рассказали Мишке про гусей. Он радушным жестом указал нам на поленья. И когда мы расселись и сосредоточенно замолкли, Мишка закурил, выпустил клуб дыма и сказал:

— Погибнут гуси, коли не помочь им выбраться.

И сразу нам стало как-то легче: Мишка выручит. Он такой!

Мишка и впрямь скомандовал:

— Всем взять по длинной доске!

И вот мы кидаем на лёд доски и, держа друг друга за ноги, ползём между торосов к припаю. Кое-где под козырьками льдин ещё остались оконца воды, и мы стараемся не глядеть туда.

Мишка сзади нас, ему нельзя впереди— он тяжёлый. Когда заканчивается доска, он подсовывает нам другую, мы кладём её и снова ползём, ползём...

— Стоп! — командует Мишка. — Теперь надо одному. Кто тут полегче? — Он обмеривает всех нас взглядом, и его глаза останавливаются на мне. — Сымай шубёнку! — приказывает он.

И я начинаю расстёгивать пуговицы.

Я ползу по доске. Она кажется мне горячей. Под доской трещит и прогибается лёд.

— Гусаньки, гусаньки, — шепчу я, глядя на сбившихся в кучу гусей, которые отплыли к противоположному краю полыньи и встревоженно погагакивают.

— Гусаньки, гусаньки, — я умоляю их, зову и не могу дальше ползти — страшно.

А лёд с тонким перезвоном оседает под доской, и тоненькие молнии со щёлком мечутся по нему.

— Гусаньки, гусаньки, — плачу я и маню их пальцами, рукой, глазами.

А они толпятся всё там же, по ту сторону полыньи и, вытянув шеи, глядят на меня. Вдруг я почувствовал, что возле моего бока что-то зашуршало, и обмер: подумал, что лёд вовсе обломился.

— Держи! Доску держи! — слышу я взволнованный шёпот Мишки и, не оборачиваясь, нащупываю доску.

Доска доползла до воды, чуть прогнула ледок, раскрошила закраек. Я держу онемевшими пальцами доску и умоляю:

— Гусаньки, гусаньки, миленькие...

Мать-гусыня поглядела на меня и недоверчиво поплыла к доске. Всё семейство двинулось за ней.

— Ну, вылезай, вылезай! — закричали нетерпеливо сзади меня ребята.

Гусыня, напуганная криками, отпрянула, а потом успокоилась, повернулась грудью по течению, поплыла быстро-быстро и выскочила на доску. Чуть проковыляла, приподняла лимонно-жёлтую лапу и приказала: «Делать так же!»

— Ах ты, умница! Ах ты, умница! — шептал я.

Гуси так же стремительно выплывали на доску и ковыляли по ней, а я отползал назад, дальше от чёрной, жуткой полыньи, и манил дрожащим голосом:

— Гусаньки, гусаньки!..

А потом, уже на крепком льду, схватил тяжёлую гусыню на руки и зарылся носом в её тугое холодное перо.

Ребята подобрали остальных гусей, и мы помчались в деревню.

— Не забудьте покормить их! — кричал вслед нам Мишка. — Да в тепло их, в тепло! Намёрзлись, сердешные...

С тех пор в нашей деревне появились гуси. И сейчас по улице важно ковыляют, а то плещутся с утра до ночи в Енисее правнуки и праправнуки той храброй и умной матери-гусыни, которую мы спасли от смерти.

О КРАСОТЕ БУКВЫ „б"

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Зойка проснулась очень рано и, ещё не открывая глаз, по привычке спросила себя: «Что я вчера натворила?» Вспомнить не могла. Открыла один глаз, подумала... Нет, не вспоминается! Открыла оба глаза и... вспомнила... Она опять получила двойку по чистописанию. Зойка твёрдо решила «улучшиться».

В школе она сидела за партой так тихо, что Лидия Семёновна потрогала её лоб: не больна ли? От смирного сидения она очень устала. Но после обеда, вместо того чтобы отдохнуть, рассадила на столе своих кукол и занялась любимой игрой в школу. Раньше всё это был детский сад, а теперь все куклы тоже пошли в школу, в первый класс «Ы». Зойка назвала так свой класс потому, чтобы его не спутали с каким-нибудь другим классом.

— Будем писать, дети, — сказала она точно таким же голосом, каким говорила Лидия Семёновна.

— Запомните: кто красиво сидит, тот красиво пишет.

— Сядь прямее, Буратино. Смотри, как хорошо сидит синьор Помидор.

Поговорим о красоте буквы «б». Сначала вы пишете овал, точно как маленькое яичко, затем от овала по линейке выводите наверх стебель, ровный-преровный. Наверху стебля делаете такую красивую волну. Понятно? Итак, начали...

Зойка брала тетрадь от каждой куклы и старательно выводила букву «б». Но овал выходил кривобокий, стебель дрожал мелкой дрожью, а вместо волны получался мышиный хвостик.

— Поднимите руку, кому понравилось, как он написал букву «б»?

Зойка быстренько просмотрела тетради и подняла руку у одного Буратино.

— Остальным не понравилось? Давайте напишем ещё по две буквы. Когда понравится вам, понравится и мне.

Лидия Семёновна говорила так же.

Наконец стебель плавно лёг на линейку. Овалу позавидовала бы любая курица. Наверху стебля красовалась легко изогнутая волна.

— Теперь поднимите руку, кому понравилось! — торжествующе воскликнула Зойка и подняла руки у всех кукол.

Только у Мишки лапа падала вниз, хотя в его тетради буква «б» была очень хороша.

— А теперь идите гулять. Я буду писать свой урок. — Зойка позвонила в колокольчик. — Пе-ре-ме-на!

Она уселась за стол, тяжело вздохнула и стала выводить буквы. Буратино сидел ближе всех к Зойкиной тетради. Он наклонился, и Зойке показалось, что он вслед за нею выводит носом по воздуху каждую букву.

Буквы были так хороши, что Зойка долго любовалась ими. А куклы сидели неподвижно, не моргая глазами, и терпеливо ждали, пока закончится перемена и учительница снова займётся с ними.

Но Зойка сказала:

— На сегодня хватит, дети. Можете идти домой. Одевайтесь без шума и не забудьте в раздевалке сказать до свидания Татьяне Васильевне. А я ещё посижу. У меня много работы.

Зойка развернула тетрадь по арифметике...

Вечером пришла с работы мама и стала просматривать Зойкины тетради на виду у всего первого класса «Ы».

Мама грустно перелистывала грязные страницы тетради по чистописанию, и вдруг лицо её просияло. Целая страница без клякс, без помарок была заполнена красивыми буквами.

— Видишь, дочка, как хорошо получается, если очень постараешься!

Зойке стало весело. Она с нежностью посмотрела на своих учеников из первого класса «Ы».

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Юрий АНДРИАНОВ *Рис. Г. СЕВЕРДЕНКО*

**Под вечер высыпал снежок,
Вокруг всё стало белым...
Луна лучистая ежом
На землю поглядела.**

**Зевнув, промолвила она:
«А как похолодало!»
И тут же спряталась луна
За тучу-одеяло.**

Сказка

Ян БЖЕХВА *Рис. А. ПОРЕТ*

Вышло вот какое дело:
Моль
Тюленью шубу
Съела.
На дворе трещит мороз,
А Тюлень
И гол и бос!

Побежал Тюлень
К Еноту:
— Не в чем выйти
На работу!
Ради бога,
Куманёк,
Дай мне шубку
На денёк!

Отвечал Енот со смехом:
— Дорожу своим я
Мехом!
Что ж ты, глупенький зверёк,
Шубу плохо так берёг?

— Дайте шубу мне, Бобры!
Дайте, будьте так добры! —
А Бобры ему в ответ:
— Лишней шубы, братец, нет!

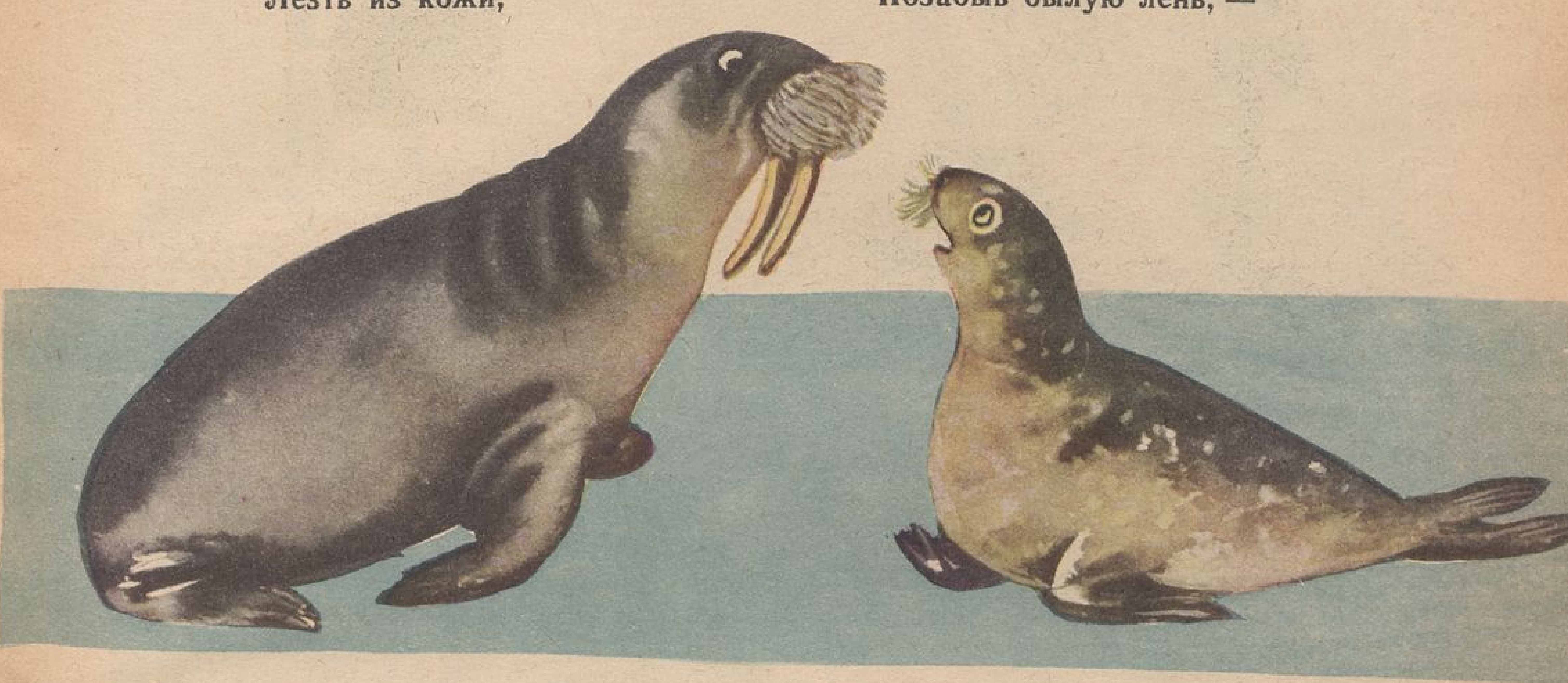
— Может, мне помогут
Лисы?
— Что ты! Мы и сами
Лысы!
Ты бы лучше сбегал к Волку —
Там скорей
Добьёшься толку!

— Нет, спасибо!
Ради шубы
Не полезу
К Волку в зубы!
Лучше я
Схожу
К Моржу —
Может, шубу одолжу!..

Но и Морж
Ответил хмуро:
— Дорога своя мне
Шкура.
Не могу ж я
Лезть из кожи,
Хоть с тобою мы
И схожи!

Бегал, бегал наш Тюлень,
Позабыв былую лень, —

Был у Выдры,
У Хорька,
У Ежа,
У Хомяка,
Был у Норки,
У Куницы —
Ничего не мог добиться!

Даже лучший друг —
Барсук —
Буркнул:
— Нынче недосуг! —
А сердитый зверь Опоссум
Дверь захлопнул
Перед носом!

Постоял Тюлень у двери.
— Боже мой! Какие звери!..

. . . .

Мех собрал свой
По клочку
И поплёлся
К Скорняку.

Шил Скорняк,
Чинил Скорняк,
Примерял и так и сяк,
Тут подрежет, там латает —
Меха
Всё же
Не хватает!

Вышла у него
Шубёнка,
Как на малого ребёнка.
Эту шубу
Целый день
Натянуть не мог Тюлень.

Еле-еле застегнулся,
Шаг шагнул —
И растянулся!

Крикнул он
На Скорняка:
— Шуба слишком
Коротка!
Эта шуба — явный брак!
В ней ходить
Нельзя никак!

— Ну, — сказал Скорняк лукавый, —
Пану трудно угодить!
А зачем тебе ходить?
Ты Тюлень —
Так ты и плавай!

Пересказал с польского Борис ЗАХОДЕР

С ПРОГУЛКИ.

Рис. А. ПАХОМОВА

В ОДНОЙ ШКОЛЕ

Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

Село Перемилово стоит на высокой горе. И на самом высоком месте — школа.

В этой школе всего четыре класса. Видите, какая она маленькая! Но учатся в ней хорошие, трудолюбивые ребята — октябрята и пионеры. Вот о них мы и написали.

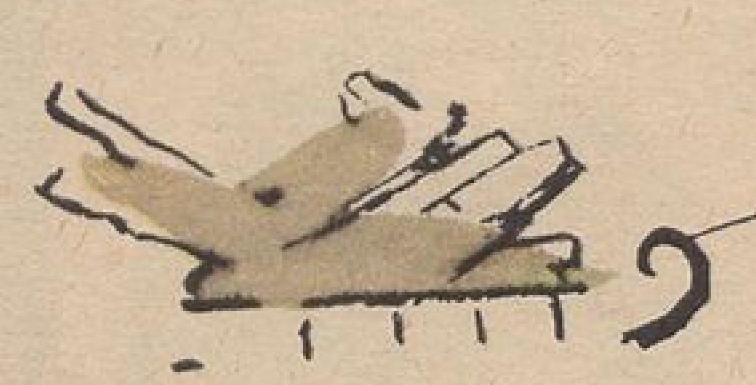

ПОСЛЕ УРОКОВ.

ПИОНЕРСКИЕ ЗАБОТЫ

Перемиловские школьники с успехом выполняют свою пионерскую двухлетку. Они взяли два обязательства: первое — собрать пять тонн металлолома, второе — каждому школьнику за эти два года посадить по пять деревьев. Вдоль улицы села уже растут молодые деревца. Несколько лет назад их посадили школьники, те, кто учится сейчас в старших классах в другой школе. Но этих деревцев пока ещё мало. Вот и решили ребята получше озеленить родное село.

НА САНКАХ ЖЕЛЕЗКИ ВЕЗТИ И БЫСТРЕЕ И ЛЕГЧЕ.

Металлолом тоже собирают. Ещё совсем немного времени прошло, а уже две с половиной тонны собраны. Школьники ходят по домам, разыскивают в хозяйствах всякую металлическую рухлядь, которая часто валяется где-нибудь в сараях или на задворках. Но особенной удачей считается, если найдут где-нибудь старую кровать — ведь она же весит много!

Свой металлолом школьники стаскивают к шоссе и складывают у телеграфных столбов. Идут машины и отвозят лом куда надо.

И ещё есть у них одна забота. За Яхромой в лесу осталась от войны братская могила. Перемиловские пионеры и октябрята никогда не забывают о ней, никогда не забывают о тех, кто отдал свои жизни за нашу Родину, за нашу свободу. Всё лето до снега цветут на могиле то маки, то ландыши, то георгины, посаженные руками школьников. А весной, когда цветёт черёмуха, приносят ребята на могилу белые душистые венки.

КАЛЕНДАРЬ ПОГОДЫ.

УСТНАЯ ЗАДАЧА

На уроке учительница Марья Сергеевна задала такую задачу:

— Школьники выпололи летом три гектара кукурузы. А осенью учительница спросила у бригадира: «Сколько же зелёной массы собрали с этих гектаров?» Бригадир ответил: «С первого гектара — 515 центнеров 50 килограммов. Со второго — 484 центнера 50 килограммов. И с третьего — 500 центнеров».

ВИТЯ СЧИТАЕТ.

МЫ ЗНАЕМ!

А теперь скажите, сколько же собрали зелёной массы в среднем с одного гектара?

И тут весь класс поднял руки. Ребята переглядывались, улыбались, и каждый старался поднять руку повыше, чтобы его спросили.

Чем же так обрадовала и развеселила ребят такая обыкновенная задача?

А дело-то было в том, что задача была не обыкновенная. Эта задача была про самих перемиловских школьников: они сами вместе со своей учительницей пололи эти три гектара. Потому и решать такую задачу им было весело.

ЗАБЫВЧИВЫЙ ШУРА

Случаются, конечно, и промахи. Все ребята отдали учительнице свои тетради для проверки. Только Шура не отдал.

— Шура, что же ты не даёшь мне свою тетрадь? — спросила учительница.

— У меня мама проверяла, — ответил Шура.

— А может быть, мама не всё проверила?

— У меня и папа проверял.

— А теперь давай-ка я проверю. Открой Шура, свою тетрадку.

Шура открыл тетрадку, а там нет ничего!

— А где же примеры? — спросила учительница.

Тогда Шура насупился и сказал:

— Я их сделать забыл.

Тут все в классе начали так смеяться, что Шура покраснел и готов был сквозь пол провалиться. А учительница сказала:

— Плохо, Шура, что ты примеры не сделал. А ещё хуже, что ты неправду сказал. Мы тебе теперь уж так доверять не сможем.

От этих слов Шура чуть не заплакал. Это очень тяжело, когда тебе и учительница и товарищи перестанут доверять. А снова заслужить доверие не так-то просто. Впрочем, мы уверены, что Шура его заслужит.

«ХОЧУ БЫТЬ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Так написала в своём сочинении Галя Берёзкина. Она хочет быть учительницей, потому что любит детей, а учительница учит детей, и они вырастают хорошими людьми.

Коля Сиваков хочет быть моряком. «Я хочу быть моряком, чтобы защищать мир. Чтобы больше не было войны. Война всем приносит несчастье».

НЕ ВЫУЧИЛ УРОКА.

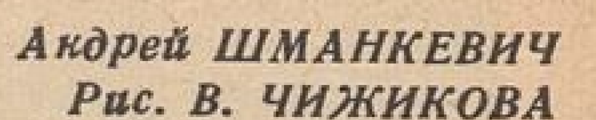
А Тамара Притыко хочет быть дояркой. У неё мама доярка, и Тамара ходит с ней убирать коров. Ей нравится эта работа, она любит животных. А кроме того, она видела в кино и читала книги о знатных доярках, которые сумели надоить очень много молока.

Лебедев Юра мечтает быть машинистом на электровозе: «... потому что на электровозе много разных приборов. Все эти приборы и рычаги меня интересуют, — пишет Юра. — Еще я хочу, чтобы всё больше и больше шли составы со строительными материалами во все города. Чтобы быстрее строились новые дома. Чтобы трудовой народ получал новые квартиры и жил в них весело и счастливо...»

Много мечтаний и замыслов в сочинениях перемиловских школьников на тему «Кем я хочу быть». Но все они говорят об одном: ребята хотят трудиться на благо Родины, все они хотят быть хорошими людьми.

ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА

Андрей ШМАНКЕВИЧ
Рис. В. ЧИЖИКОВА

(ИЗ РАССКАЗОВ О ВИТЕ И МИТЕ)

Межпланетный ракетоплан, сделанный из проволоки, картона, бумаги и целлофана, готов был немедленно ринуться в космос, черневший за окнами Митиной квартиры.

— Красота! — торжествующе сказал Витя. — А кто придумал сделать? Я...

— Придумывать ты мастер... — проворчал в ответ Митя. — А делать мне пришлось одному.

— Я тоже не сидел. Пойдём-ка, посмотришь, какой я сделал марсианский костюм.

Витя схватил приятеля за рукав и потащил в свою квартиру.

— Подожди в коридоре... Я крикну, — сказал он.

Ждать Мите пришлось долго.

— Ну, иди... — услышал он наконец, вошёл в комнату и остолбенел, увидев костюм своего приятеля.

Неизвестно откуда Витя узнал, как одеваются марсиане, но выходило, что вместо земных пиджаков и курток они напяливают на себя картонные упаковки из-под пылесосов или телевизоров, прорезав две дыры для рук и одну, побольше, для головы. Головы свои жители Марса предпочитают покрывать алюминиевыми кастрюлями. На ноги марсианские юноши надевают папины тёплые боты: правый бот на левую ногу, левый на правую. Впрочем, это ещё точно не установлено, с какой стороны у нормальных марсиан растут левые ноги, а с какой — правые.

Отправляясь на прогулки, особенно на другие планеты, на Землю например, они прихватывают зонтик и веник. Зонтом можно пользоваться при непогоде, а веником обмахиваться, как веером.

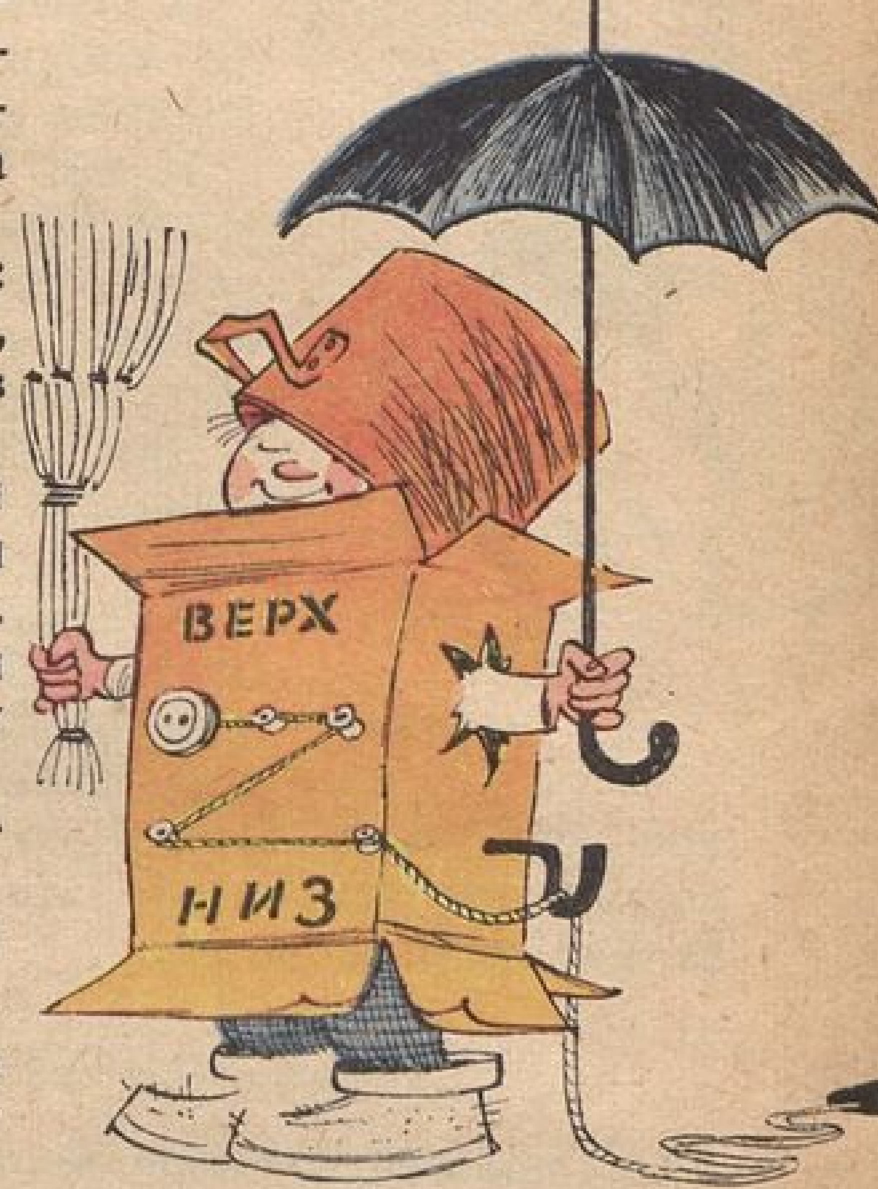
— Чего же ты молчишь? — спросил Витя звеняще-дребезжащим марсианским голосом. — Похож я на марсианина?

Митя засмеялся:

— А ты, Витька, пробовал ходить в своём костюме?

Витя попытался двинуться к двери и чуть не растянулся. Хорошо, что Митя подскочил к нему вовремя.

Марсианский костюм был доставлен в школу. С трудом дотащили и ракету: она была, наверное, чуть поменьше настоящей.

МОЙ ДРУГ СЕНЬКА МАХАЛОВ

М. РАЗУМОВСКАЯ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

В БИБЛИОТЕКЕ

Я всегда любил ходить в нашу детскую библиотеку. Только после вчерашнего мне, наверное, придётся выписаться из неё.

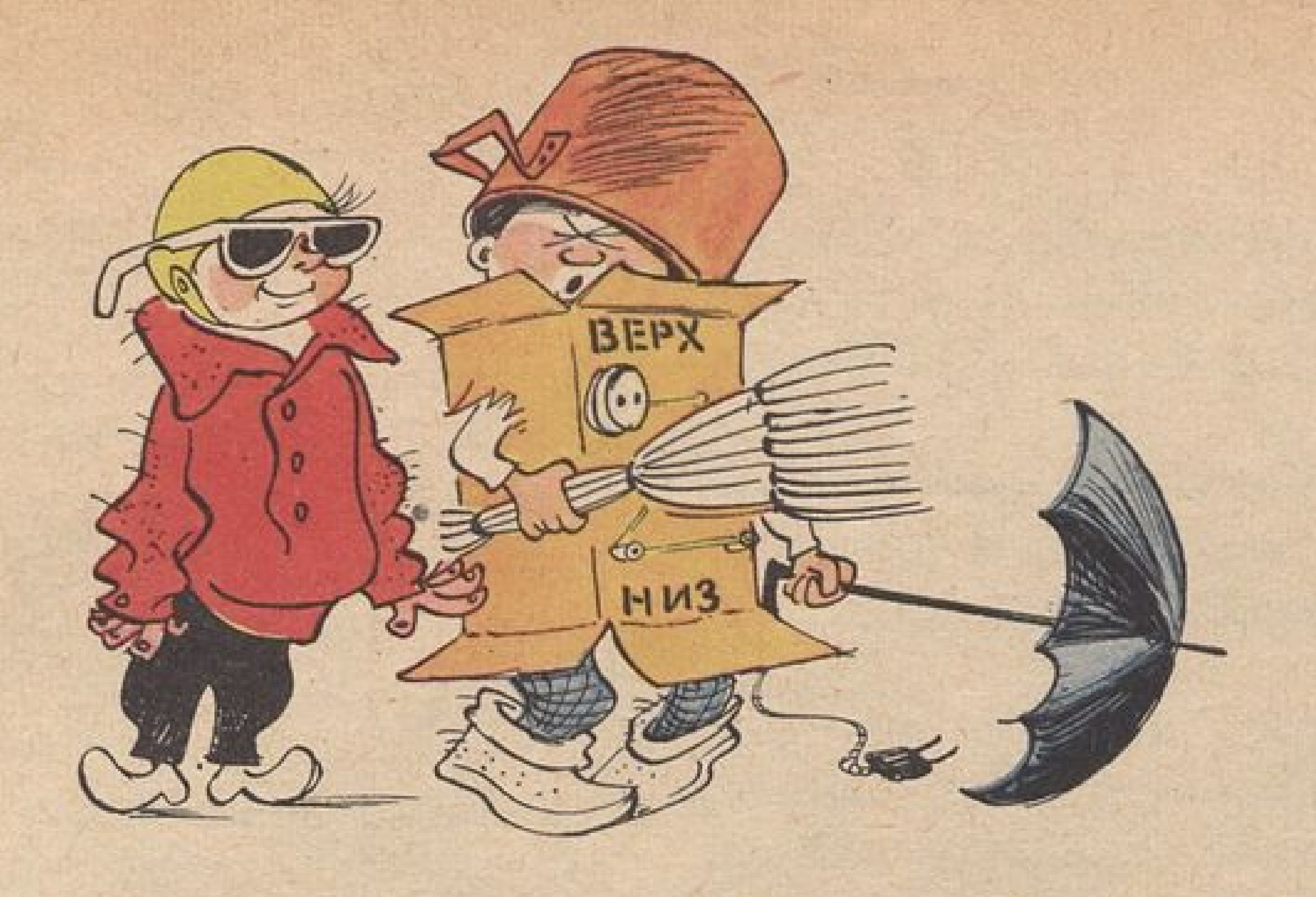
Мы с Сенькой Махаловым прочитали книжки, встретились на углу и пошли вместе в библиотеку. По дороге Сенька сказал, что он не дочитал свою книгу до конца, потому что она очень скучная. И теперь он боится, что библиотекарь спросит у него, про что там написано, а он не сможет сказать, и ему не дадут книг.

Мы просто не знали, что делать. Я-то свою книжку всю прочитал: мне интересная попалась. А что Сеньке делать? Мы сначала решили совсем не ходить, а потом передумали. Будь что будет!

В библиотеке было очень много ребят. Все слушали, как какая-то девочка рассказывала о своей книжке.

Сенька мне сказал:

По ходу действия Дед Мороз и Снегурочка должны были объявить, что к ним на ёлку прилетит на космической ракете гость из космоса. Говорить марсианин будет, разумеется, на своём родном марсианском языке, а перевод сделает Митя.

Первая часть номера прошла вполне удачно: под свист и грохот, под вспышки пламени и соответствующее музыкальное оформление ракета благополучно «приземлилась» на школьной сцене. Из ракеты вышли астронавт Митя в резиновой купальной шапочке, в тёмных очках и лыжной куртке и космический гость в своём марсианском костюме.

Вероятно, в пути гостя просквозило межпланетным ветерком: первое, что он сделал, ступив на нашу планету, — это громко чихнул.

— Будьте здоровы! — вежливо выкрикнула Снегурочка.

— Спасибо! — неожиданно ответил марсианин по-земному и тут же чихнул снова. Однако на этот раз чих получился глухим, точно гостя вдруг упрятали в бочку и прикрыли крышкой.

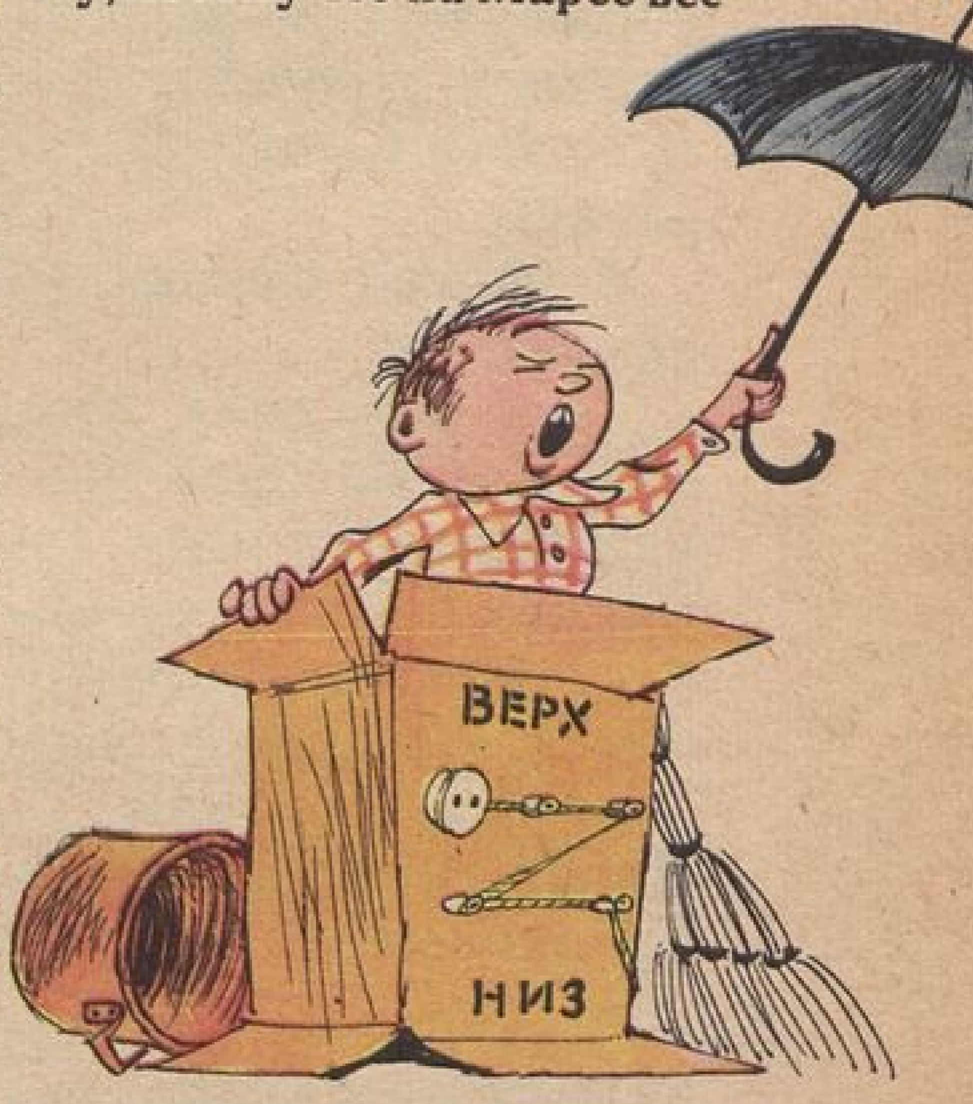
И тут всё пошло совсем не по ходу действия: марсианин стал что-то глухо выкрикивать, пытался схватиться за голову, но это ему не удавалось. Руки не доставали до головы — мешали края картонки. Марсианин упал на четвереньки и, отчаянно замотал головой — вернее, всем туловищем. Наконец его марсианская голова с ручками отделилась от тела и с металлическим грохотом покатилась под ноги насмерть перепуганной Снегурочке.

— Ты что же, не мог помочь? Да? Не видел, что я в кастрюлю попал всей головой? А если бы я там задохнулся, тебе бы ничего, да? — закричал марсианин.

— Перестань ты!..— зашипел на него Митя. — Забыл, что мы на сцене? Давай приветствуй по-своему, я переводить буду...

— Не надо мне никаких переводчиков, — не унимался Витя. — И без переводчиков обойдёмся, потому что... Ну, потому что на Марсе все языки знают... И все марсианские школьники поручили мне передать вам новогодние поздравления на чистом русском языке. Вот!..

Всё это было не по ходу действия, но в зале так весело засмеялись, что, говорят, у Снегурочки блёстки с костюма слетели, а у Деда Мороза чуть было борода не оторвалась.

— Видишь, как хорошо, послушаешь, про что книжка, и сразу знаешь, хочешь читать её или не хочешь.

Девочка очень долго рассказывала, даже очередь получилась. Мы сначала не слушали её, а потом стали прислушиваться.

— А на берегу озера они увидели большую пещеру, — рассказывала девочка.

— Да там про пещеру! — сказал Сенька. — Обязательно возьму эту книгу!

— И вдруг, — продолжала девочка, — сразу стало темно, и из пещеры вылез кто-то большой, чёрный и злой и стал ляскать зубами...

Все ребята даже дыхание затаили. А некоторые заткнули уши. Может быть, им стало очень страшно? Или они уже решили взять эту книгу и хотели, чтобы им было интересней её читать?

Тут вдруг библиотекарь говорит:

— Молодец, Попова! Ты всё правильно поняла. Ребята даже заслушались тебя. Чтобы скорее прошла очередь, я сегодня больше не буду спрашивать про содержание. Ну, кто хочет взять книгу «На берегу озера Гарбутон»?

И почти все ребята, кто был в библиотеке, закричали:

— Я!

И Сенька вместе со всеми тоже вдруг закричал:

— Я!

— Нет, всем не хватит, — говорит библиотекарь. — Хотя вот ещё один мальчик сдаёт эту книгу. Давай её скорее!

И она вдруг повернулась к Сеньке. Я посмотрел — и даже ахнул: у Сеньки в руках была как раз книга «На берегу озера Гарбутон».

— Ну, давай книжку! — говорит библиотекарь. — А мы тебе другую дадим.

— Слышишь, Сенька, сдавай скорее, — подтолкнул я его.

А Сенька посмотрел на свою книжку, потом прижал её к животу и сказал:

— Нет, я не сдавать. Я просто так сюда зашёл. Гулял и зашёл. Я пришёл предупредить, что ещё не успел прочитать свою книгу.

И он вдруг убежал.

Никто ничего не понял. И все стали спрашивать меня, что это за странный мальчик такой.

— Это Сенька, — ответил я и побежал за ним.

Я догнал Сеньку у самого дома. Он сказал:

— Я и не знал, что она такая интересная. Там вначале про какое-то изобретение было, чертежи какие-то. Я и решил, что она про чертежи.

— Как же мы теперь в библиотеку вернёмся, Сенька? — спросил я.

— А я и не знаю, — отвечал Сенька.— Давай сначала книжку прочитаем, а там придумаем.

СЕНЬКИНА ДВОЙКА

Утром Сенька сказал мне:

— Серёжа, я ни одного урока не выучил. Я только стихотворение один раз прочитал.

— Что же ты делал весь вечер? — удивился я.

— Неудачный у меня был вечер. У Нины был день рождения. Только мне не позволили с гостями сидеть, а велели идти делать уроки. А мне было очень обидно. И я не стал делать уроки. Я стал думать. А потом я лёг спать. Вдруг меня Марья Николаевна вызовет? Ведь я «два» получу.

— Ты не волнуйся, Сенька, — говорю я. — Может, тебя Марья Николаевна и не вызовет.

И правда, сначала Марья Николаевна Сеньку не вызывала. Ни на первом уроке, ни на втором, ни на третьем. Сенька сидел тихо, лицо у него было очень внимательное и умное. Он даже руку поднимал.

Но на арифметике Марья Николаевна спросила Сеньку про задачу и поставила ему двойку.

— Потом объяснишь мне, почему это ты сегодня уроков не приготовил, — сказала она.

Сенька даже присел. Он-то думал, что Марья Николаевна знает только про задачу, а она про весь день знает!

Но после уроков Марья Николаевна не стала с Сенькой разговаривать. А нам всем сказала:

— Передайте вашим родителям, что в пятницу будет родительское собрание.

Сенька побледнел и сказал мне:

— Наверное, это из-за меня собрание. Чтобы моё поведение обсудить.

— А может, и не из-за тебя? Может, из-за кого-нибудь другого?

Мы стали вспоминать, но оказалось, что за последнее время никто в классе двоек не получал и сильно не баловался.

— Значит, из-за меня, — сказал Сенька.

— Если бы из-за тебя, то Марья Николаевна только твою бы маму вызвала, — сказал я.

— Моя мама и так про меня почти всё знает, — ответил Сенька. — А теперь все узнают.

— Ничего, Сенька, — сказал я. — Зато теперь твоя мама не будет посылать тебя делать уроки, когда у вас гости.

Мы и не заметили, как все ребята разошлись по домам. Остались только мы и Марья Николаевна.

— А я собиралась похвалить тебя на родительском собрании, — сказала Марья Николаевна Сеньке. — Ты стал последнее время лучше учиться. Что это сегодня с тобой приключилось?

Сенька молчал.

— У его сестры Нины вчера день рождения был, — сказал я.

— Вот в чём дело, — сказала Марья Николаевна. — Ты, наверное, её очень огорчишь. Ты бы лучше постарался и пятёрку домой принёс.

— Он ещё постарается! — сказал я.

— Я постараюсь! — сказал Сенька, и мы побежали домой.

СУББОТНИК

Сегодня на нашем дворе мы строили детскую площадку. Мы строили, а родители нам помогали. Это они на родительском собрании в пятницу решили помочь нам.

Сначала мы копали ямы, чтобы врыть столбы для волейбольной сетки. Одну яму мы вырыли такую глубокую, что никак не могли из неё вылезти. Дядя Володя вытащил нас с Сенькой по очереди в той же корзинке, в которой он землю из ямы вытаскивал.

Мы вылезли и увидели, что ребята сделали загородку для малышей и песку туда насыпали.

Другие ребята кончали красить большой мухомор. Краска лилась как из ведра. А ребята были такие грязные, что я их так и не узнал.

А потом привезли деревянную горку для зимы. Мы её сразу же установили. И у нас почему-то остались доски. Всё вроде на месте, а доски остались. Мы их и туда пробовали приладить и сюда — всё равно остаются. Тогда все ребята решили построить из досок конуру и завести общую собаку, чтобы она лаяла.

У нас было ещё много планов, но нам велели идти по домам и делать уроки.

Мне очень понравилось строить детскую площадку. Когда мы её закончим, хорошо бы устроить на нашем дворе летающие лодочки и небольшой бассейн.

Сказка про Кота, который ходил в кино

Сергей ТХОРЖЕВСКИЙ

Рис. В. ЛОСИНА

Кот очень скучал. Он никуда не ходил, разве что в коридор и на кухню. Летом он чаще всего сидел на балконе и смотрел вниз, на улицу. На перилах балкона он даже спал и ничуть не боялся свалиться. И когда Бабушка говорила ему: «Вот я тебе задам!..» — он тоже не боялся, потому что знал: она только грозится и никогда не ударит.

На соседнем балконе иногда появлялся пёс Тузик. «Гав-гав! — говорил Тузик, уныло положив морду на лапы. — У меня собачья жизнь! Мои хозяева каждую неделю ходят в кино, а меня с собой не берут!» И Кот сочувствовал Тузику.

Однажды в воскресенье собрались идти в кино Папа и Мама. Они сказали, что Мите надо остаться дома, потому что это кино не для детей. Митя заплакал: «Я тоже хочу в кино!..» А Кот подумал: «Ну как ему не стыдно плакать! Он вдвое старше меня — ему уже четыре года, а мне ещё только два! И ведь я никогда не плачу!» Кот хотел сказать об этом Мите, но он не умел говорить по-человечески и поэтому сказал только: «Фр-р!»

Коту тоже хотелось пойти в кино — хоть раз в жизни! Вначале он колебался, чесал лапой за ухом. Соображал, что надо будет пройти по улице, где много незнакомых людей, где ездят автобусы и трамваи. «Но ведь я очень храбрый! — подумал Кот. — Неужели я побоюсь пойти в кино? Я обязательно пойду в кино. И пусть мне позавидуют Митя и Тузик!»

Он храбро выгнул спину и вышел в коридор. А когда Папа и Мама выходили на лестницу, Кот незаметно прошмыгнул следом за ними.

Папа и Мама боялись опоздать и шли очень быстро, а Кот бежал сзади, вдоль стен домов, так что его никто не задевал. У входа в кино Кот потерял из виду и Папу и Маму. Всё же ему удалось проскочить в зал и спрятаться под стулом.

В зале погас свет. Кот сидел под стулом и с интересом ожидал, что же будет дальше. Люди молча сидели на своих местах, и только в одной стороне кто-то громко разговаривал. Кот долго сидел, насторожив уши. Наконец ему стало скучно, и он задремал. Потом проснулся, зевнул, облизал лапу и подумал: «Люди все-таки чудаки! Вот уже, наверно, полтора часа сидят в темноте и ничего не делают! Хоть бы мышей ловили!» Кот понюхал пол: не пахнет ли мышами? Нет, не пахнет. «Надо бы понюхать по углам», — подумал он. Наткнулся носом на чью-то калошу, отпрянул, съёжился. В это время зажёгся свет. Люди повставали с мест, зашумели. И вдруг кто-то наступил Коту на хвост.

Кот мяукнул от боли, выскочил из-под стула и метнулся вперёд сквозь толпу. Его толкали со всех сторон. В страшной тесноте двигалось множество людских ног в брюках и в чулках, в ботинках и туфлях, в калошах и без калош, и Коту показалось, что все эти ноги для того и собрались тут, чтобы отдавить ему лапы и хвост. Он выскочил на улицу ни жив ни

мёртв и стремглав бросился к дому. Взбежал по лестнице и спрятался в тёмном уголке, поджидая Папу и Маму. Когда они вернулись, Кот так же незаметно прошмыгнул обратно в квартиру, в коридор.

Затем медленно, степенно, как будто ничего не случилось, пошёл в комнату. Бабушка увидела Кота, строго спросила: «Где ты пропадал?» Кот хотел соврать, что был на кухне, но он ведь не умел говорить по-человечески и сказал только: «Фр-р!»

Митя сидел на диване и смотрел книжку с картинками. Он уже не плакал. «Лучше бы я тоже не ходил в кино, а сидел бы, как ты, на мягком диване!» — с завистью подумал Кот и прошёл на балкон, печально опустив хвост.

С соседнего балкона его окликнул Тузик: «Гав-гав! Ну как тебе понравилось в кино?» Коту было стыдно признаться, что он зря совершил такое далёкое путешествие, и он с гордым видом ответил: «Интересно! Очень интересно! Но я, признаться, ожидал бо́льшего...» Кот лёг, зажмурился и притворился, что спит, а потом и в самом деле заснул.

А теперь, когда Папа и Мама уходят вместе с Митей в кино, Кот засыпает на диване и видит страшный сон, будто он снова сидит в кино под стулом и кто-то ему наступает на хвост. Кот вздрагивает, просыпается и думает: «Хорошо, что я дома!»

ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

Северная сказка

Н. БЕЛИНОВИЧ *Рис. О. КОРОВИНА*

А Белое море совсем не белое. В непогоду оно чёрное, в погожий день синее. На берегу шумят высокие ели, виднеются низенькие избушки рыбаков.

В одной такой избушке живёт летом Еремей. Он и рыбак, и охотник, и плотник, и на все руки мастер. Говорят, что ему сто двадцать лет, но он не стареет, а ещё говорят, будто давным-давно получил он «То, не знаю что».

Тогда Еремею шёл девятнадцатый год. Он был сметливый, работящий и с виду красивый; только больно скромный, в свои силы не верил. Позовёт его, бывало, отец лодейному делу учиться — не решается Еремей. Кликнут братья силки ставить либо невод закидывать — опять не идёт Еремей: думает, что не справится. И весь белый день одну чёрную работу ворочает.

Вдруг пришла беда — отворяй ворота. Старший брат — зверолов Зосима — на охоте руку поранил, а средний — рыбак Демьян — простудился на лове, теперь с печи не слезает.

Соседи больных навещают, даже и красавица Малаша, первая рукодельница, мёду принесла. Все в деревне знали, что она строгая, неулыбчивая, женихов отваживала и говорила: «Стану я женой только смелого да умелого, красивого, да не спесивого!»

Принесла Малаша мёду, махнула золотой косой и убежала. Она-то убежала, а Еремей её забыть не мог. Полюбил гордую девушку.

...Сидит Еремей на берегу моря, думает, как ему прокормить братьев, снох да малолеток-племянников, а ещё думает о милой Малаше и понимает, что неумелый он, и не смелый он, не пойдёт за него замуж строгая красавица. А на берегу шумит медной листвой молодая липа, что неведомо как выросла на холодном берегу.

А небо ясное, а море тихое, липа качает кудрявой головой. Вдруг, откуда ни возьмись, чёрная туча. Всё ближе, и ближе, и ближе она. Ледяной ветер подул, задрожала липа.

Уже чёрная туча красное солнце закрыла. И не успел Еремей глазом моргнуть, как из тучи посыпался белый град. Так и бьёт по ветвям, того гляди сломит молодое деревце. Пожалел парень липку. Сбросил кожух, закрыл её.

Чёрная туча за леса уползла. А холодный ветер не стихал, гнал снеговые тучи-облака.

Еремей продрог, снял с дерева кожух. Глянул — и обомлел. Перед ним не липа стоит, а девчонка. Сама кудрявая, кокошник медный, сарафан зелёный.

— Я, — говорит, — Липа — Зелёный Сарафан. Ты меня от великой беды спас. Спас от моей старой врагини ведьмы — Зимы. Я хотя волшебство ещё не вполне постигла, но могу дать тебе в награду «То, не знаю что». Оно принесёт тебе счастье. А сейчас ты меня снеговой шубкой хорошенько закутай, а летом приходи сюда. Тогда я силы наберусь и дам тебе для твоих больных братьев липовый чай. Они, как его выпьют, так сразу и выздоровеют. И знай: если полюбится тебе «То, не знаю что», оно у тебя навсегда останется, а нет — я тебя чем-нибудь другим награжу.

Хотелось Еремею расспросить Липу — Зелёный Сарафан, про «То, не знаю что», но тут метель загудела, так и бьёт по глазам. Только унялась метель, глянул Еремей — ещё пуще удивился. Там, где только что девчонка стояла, теперь к земле пригнулось деревце. Парень горячими ладонями нагрёб холодного снегу, закутал липу им, как пуховым одеяльцем. Посмотрел на пустые ладони, где лежало это самое «То, не знаю что», и домой пошёл.

Дома он обо всём родным рассказал.

— Может, «То, не знаю что» — это удача в звероловном деле! — решили домашние.

Пошёл Еремей в тёмный бор, на звериные тропы. Везде силки расставил. Наутро обошёл тропы, оглядел ловушки. Но туда ни зверь, ни птица не попали.

Бродил Еремей со своим ружьецом за плечами от утренней зари до вечерней и ни зверя, ни птицы не подстрелил.

Вдруг под вечер увидел он птичий привал — стаю диких уток. И почудилось Еремею, будто зелёный лист на кочке мелькнул. Вспомнил парень про Липушку, да и принялся бить уток без промаха. Полный мешок добычи домой принёс.

Недели не прошло — Еремей всех в округе удивил. Теперь добывал он шкуры рыжих лисиц, и пушистых куниц, и белых зайцев без числа. Менял на разные припасы. Сыты и одеты теперь были его родичи.

Все односельчане при встрече с Еремеем ласково улыбались ему. Только Малаша, не глядя, мимо проходила, и он не решался ей улыбнуться.

После солнцеворота, когда лютые морозы трещали, принялись рыбаки на заливе проруби рубить, ставить в проруби рюжи — сети и навагу сачками ловить. Еремеева родня тоже рыбы просила. Нечего делать, взял Еремей сачок, на залив пошёл, прорубь вырубил, а как за дело приняться, и не знает. Хотел уж бросить всё, ни с чем домой возвращаться, да вдруг показалось ему — по чёрной воде не поймёшь, что плывёт, то ли льдинка, то ли зелёный листок. Сразу вспомнил Еремей про «То, не знаю что», рюжи

правильно поставил и больше всех в деревне рыбы наловил.

Солнце на лето идёт, зима — на мороз. Всё яснее, всё длиннее день. Умельцы да охотники наряды шьют. А раз семья сыта, Еремей и о себе подумал. Надел Еремей кунью шапку, волчий тулуп, покрытый синим сукном, подпоясался красным кушаком, идёт по селу, на Малашину избу глядит. Высоко от земли её оконце, на десятом бревне. А в избе под окном сидит Малаша, глаза-то у неё зелёные, будто зелёный листок.

Сразу вспомнил Еремей про Липу, осмелел, на девушку поглядел и от радости улыбнулся Малаше. И вот чудо: она ему тоже улыбнулась.

«Ну, «То, не знаю что», видно, не только в работе принесёт мне счастье», — подумал Еремей и в избу вошёл, шапку снял и говорит Малаше:

— Давно я люблю тебя и хочу замуж взять!

Покраснела Малаша и шепчет:

— Давно и ты, Еремей, мне по сердцу... Только я не знала, люба ли я тебе. Ведь ты мне только нынче первый раз улыбнулся.

Через неделю сыграли Еремей и Малаша свадьбу.

В счастье-радости время незаметно летит. Вот и лето красное пришло. Побежали Еремей и Малаша к лукоморью, к зелёной Липе. Сразу и не узнать её — высокая стала, вся в душистом цвету. Подул ветер, липовый цвет с веток посыпался. Полный передник его Малаша набрала, чтобы дома заварить и липовым чаем вылечить Зосиму и Демьяна.

А липовый цвет всё пуще сыплется, глаза слепит. И когда унялся цветопад, видят Еремей и Малаша — перед ними не деревце стоит красавица Липушка — Зелёный Сарафан, Медный Кокошник.

Поклонился ей Еремей в пояс и говорит:

— Спасибо тебе, Липушка! Нашёл я счастье. Только скажи теперь, что же такое «То, не знаю что».

Засмеялась девушка:

— «То, не знаю что» — вера в себя, в свои силы. Она у тебя навсегда останется, и ты весь век счастливым будешь!

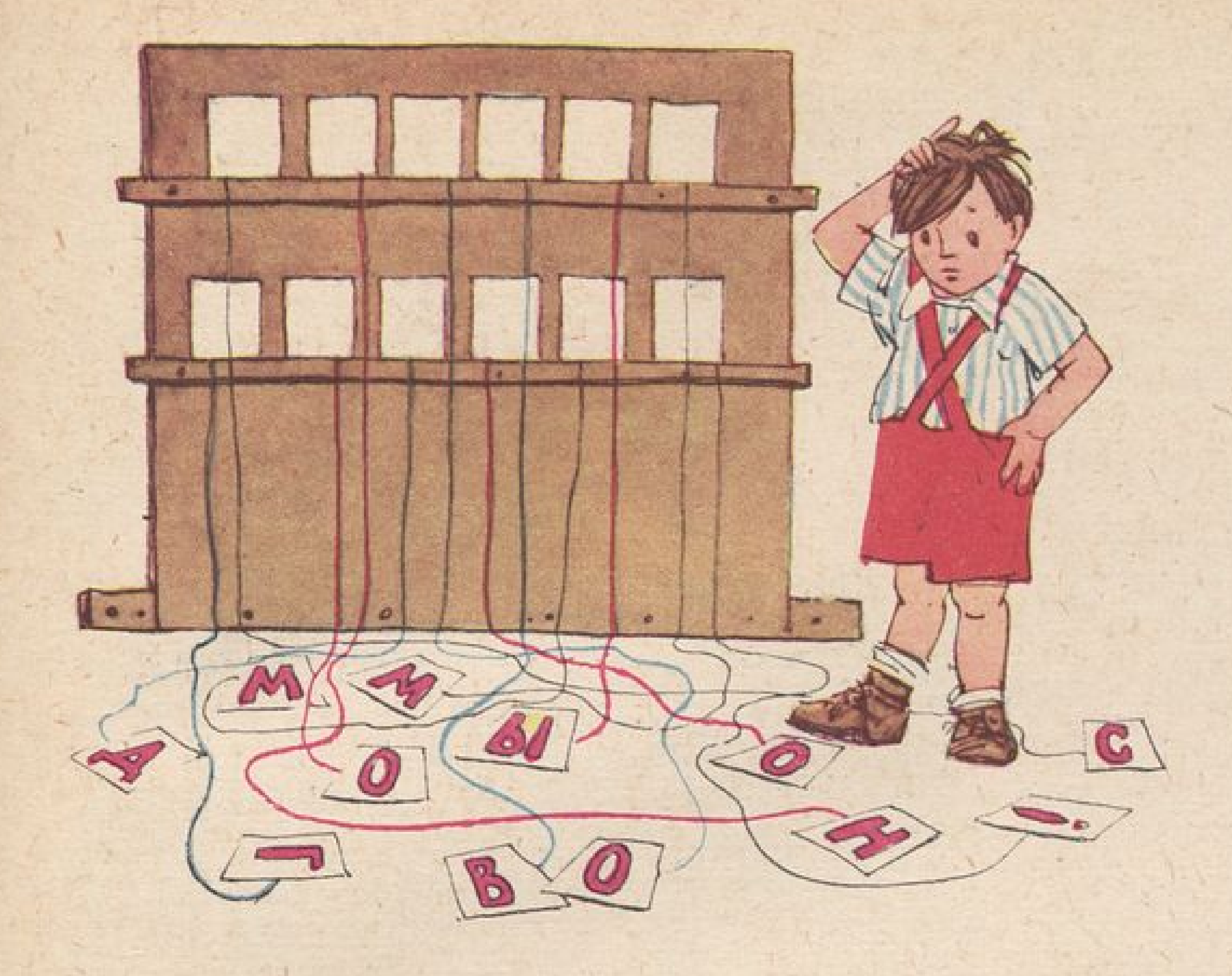

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА, Е. МОНИНА

ЗАГАДКА

А. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Хлопотун Егорка
Взялся за уборку:
В пляс по комнате пошёл,
Оглянулся — чистый пол!

Ребята, помогите Серёже поставить буквы на полочки. У каждой буквы есть своё место — белый квадратик. Буквы с квадратиками соединены разноцветными линиями. Когда соберёте все буквы, прочитайте, что у вас получится.

АРБУЗ

СКОРОГОВОРКА

М. ЛЕПИЛИНА

У арбуза
Много груза,
Груз арбузу не обуза,
А внутри весь-весь арбуз
Полон чёрных мокрых бус!

←Здесь нарисована картинка из знакомой вам сказки. Чтобы увидеть эту картинку, надо соединить точки, отмеченные цифрами, начиная от 1 до 27, а потом раскрасить рисунок цветными карандашами.

Двое Петиных друзей спрятались, и Петя никак не может их найти. Ребята, помогите Пете.

На обложке рисунок М. Митурича.

Худож. редактор Ю. Молоканов. Техн. редактор Л. Кириллина. Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 2/XII 1960 г. Бумага 60×92 1/8. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2219.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

«В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ». Рисунок Любы Михалёвой, 11 лет, Ленинград.

«МОРЯК». Рисунок Юры Долгорукова, 8 лет, Москва.

«В ЛЕСУ». Рисунок Валюте Еглуте, 6 лет, г. Вильнюс.

«СКАЗКА». Рисунок Оли Неклюдовой, 8 лет, г. Одесса.

